

ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. С. КОВТУН

Азбуковники среди других текстов древней лексикографии и проблемы их издания

Тема русских азбуковников XVII в. постоянно привлекает к себе внимание,¹ однако, на редкость трудная, она остается почти неразработанной.² Сложность ее в том, что азбуковники дошли до нас в большом числе списков, вошедших в состав собраний, рассеянных по всей стране.³ Она и в специфике структуры лексикографического текста, членимого в этих обширных сводах на тысячи словарных статей, к тому же свободно варьируемых по спискам.

Она и в многослойности собранных в азбуковниках толкований, очерпнутых из разнородных литературных источников всего древнерусского периода (XI—XVII вв.). В составе лексики и в характере ее объяснений сказались воздействия иноязычных культур и традиций (от библейских и византийских до западноевропейских и инославянских).

Главные трудности, таким образом, — в многообразии процессов сложения азбуковников.⁴

Азбуковники сформировались в особый словарный тип в конце XVI в. Им предшествовали четыре более ранних направления древнерусской лексикографии: словари-ономастикины, словари символики (приточкики), словари славяно-русские и словари-разговорники.⁵ Все они продолжали развиваться и в XVI в. На XVI в. приходится наибольшее число списков словарей, выполненных в этих типах, или жанрах.⁶ Некоторые из них к этому периоду имели уже по две или по три редакции.⁷

¹ Интерес к азбуковникам был проявлен еще в прошлом веке со стороны таких выдающихся ученых, как А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, И. В. Ягич.

² Обзор работ об азбуковниках, а также их характеристик и оценок в обобщающих филологических трудах дан в кн.: М. П. Алексеев. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Л., 1968, с. 7—34. Об азбуковниках писали: П. М. Строев (1825, 1882), И. П. Сахаров (1842, 1849) — ему же принадлежит и первое их издание (1849), М. Сухомлинов (1854), Н. С. Тихонравов (1893), А. Н. Пыпин (1898), С. К. Булич (1904), А. С. Орлов (1931), В. В. Виноградов (1946) и др. Ср. и специальные работы: Н. И. Б а т а л и н. Древнерусские азбуковники. Воронеж, 1873; А. К а р п о в. Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1878; А. В. П р у с с а к. Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделении имп. Публичной библиотеки. Пг., 1915.

³ Детальное обследование фондов несомненно прибавит немало списков к тем многим десяткам их, которые уже отмечены в описаниях различных рукописных архивов Москвы, Ленинграда, Киева, Новосибирска и других городов.

⁴ См.: Л. С. К о в т у н. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975, с. 206—261.

⁵ См.: Л. С. К о в т у н. Русская лексикография эпохи средневековья. Л., 1963.

⁶ Там же, с. 88, 226, 328.

⁷ Там же, с. 399—418, 418—420, 421—434.

Совершенствовались и самые приемы лексикографической разработки.

Словари-ономастиконы прошли путь от древних глоссариев наподобие «Речи жидовьскаго языка» или «А се имена жидовьская русьскы толкована»⁸ до «Толкования именам по алфавиту» Максима Грека, иначе говоря, от кратких перечней глосс, поясняющих наименования библейских мест и персонажей, до трехязычного лексикона с филологической ориентацией.⁹

Славяно-русское направление обогатилось словарями произвольников, которые присоединяли к различным книгам при исправлении переводов. Сводки лексических вариантов были типичным явлением в период активизации переводческой и исправительской деятельности, какую наблюдаем в XVI в.¹⁰ Обильные языковедческие материалы дали, в частности, два перевода Псалтыри Максимом Греком и его сотрудниками.

Высшим достижением в типе разговорников явилась «Речь тонкословия греческаго» — словарь русского автора, составленный в XV в. на Афоне.¹¹ Все три списка, по которым устанавливается его архетип, падают на XVI в.¹² Словарь состоит из тематических перечней слов, а также отдельных фраз и отрывков диалогов.¹³ Вовлеченный в числе других разговорников в состав азбуковников, он стал для них одним из основных лексикографических источников, давая подробные и разносторонние сведения об обиходной лексике среднегреческого языка.¹⁴

Статьи из словарей, фиксирующих записи живой речи, оказались в азбуковниках наряду со статьями, почерпнутыми из словарей, составленных к текстам. В соединении книжных и разговорных источников отразились процессы преобразования литературного языка. Однако совмещение еще не было вполне органичным и протекало достаточно долго. На протяжении всего XVI в. три первых лексикографических типа воспринимались как принципиально отличные от четвертого, т. е. от словарей, ориентированных на живую речь. Это явствует хотя бы из того, что характерные для этого периода компиляции объединяли только книжные словари.

Примером компилятивного свода XVI в. может служить собрание словарей, помещенное в сборнике старца Вассиана Кошки (середина XVI в.).¹⁵ Свод озаглавлен так же, как славяно-русский словарь к Лест-

⁸ Старшие списки XIII в.

⁹ Словообразовательный аспект «Толкования» позволял через имена собственные усвоить значения многих греческих корней и основ, давая вместе с тем материалы и для канонотворцев, т. е. способствовал как познанию языка, так и занятиям поэтикой и риторикой.

¹⁰ Правка церковных книг, нашедшая отражение в постановлениях Стоглавого собора, была вызвана в первую очередь сложным состоянием литературного языка.

¹¹ Текст трижды опубликован (Н. К. Никольским в 1896 г., П. К. Симоном в 1908 г., М. Фасмером в 1922 г.).

¹² ГПБ, Софийское собр., № 1474, начало XVI в.; собр. Петербургской археографической комиссии, № 454 (из коллекции Кирилло-Белозерского монастыря), середина XVI в.; ГПБ, Соловецкое собр., № 860, конец XVI в. В последнем из них текст «Речи» заметно преобразован; см.: П. К. С и м о н и. Памятники старинной русской лексикографии по рукописям XV—XVII столетий. — ИОРЯС, т. XIII, 1908, вып. 1, с. 175—212.

¹³ В разговорнике дано 2621 греческо-русское и русско-греческое соответствие. В построении словарных статей (например, в приводимых в нем сериях изменений слов по грамматическим формам), в неоднократном возвращении к уже пройденным темам и пр. явно прoustупает его учебное, а не только справочное назначение.

¹⁴ На широкое вхождение материалов этого словаря в азбуковники указано уже в кн.: Н. К. Н и к о л ь с к и й. Речь тонкословия греческаго (русско-греческие разговоры XV—XVI вв.). Изд. ОЛДП. СПб., 1896, с. XXIII—XXIV.

¹⁵ ГБЛ, Музейное собр., № 1257, опубликовано в кн.: Л. С. К о в т у н. Лексикография в Московской Руси... с. 263—267.

вице Иоанна Синайского (XV в.), и начинается именно с этого словаря, занимающего л. 34—35 об.¹⁶ К первому перечню лексики присоединен второй: «А се имена господня, еже обретаемы в святых книгах от греческого языка, и от еврейского, и от сирьского, и от словенского». За наименованиями бога и молитвенными возгласами следуют глоссы, также выбранные из церковных книг, но уже не ограниченные названной темой.¹⁷ Новый ряд — церковные чины, вслед за ним — церковные книги.¹⁸ На л. 37 в Своде из сборника Вассиана киноварью дан новый раздел: «Сие же приточник речеся», которым выделены глоссы, посвященные символике Псалтыри.¹⁹ На том же листе еще один раздел: «Имена волхвом», а на л. 37 об. последний подзаголовок: «Иныя речи». В этой части, по всей видимости, даны уже без каких-либо группировок дополнительные глоссы, найденные собирателем позднее.

Мы видим, что глоссы в Своде Вассиана то образуют тематические ряды, то присоединены по ассоциативному признаку. Всего в этом своде 254 статьи.

Разобранная компиляция включена в сборник XVI в., но своды с начальными глоссами из Лествицы находим и в приложениях к самой этой книге, что проясняет историю их сложения.²⁰

В одном собрании Соловецкого монастыря — три варианта сводов, где исходным является все тот же перечень славяно-русских глосс. Между ними есть довольно заметные расхождения. В одном из них к этому тексту прибавлены лишь некоторые библеизмы.²¹ В другом к нему присоединен словарь «Толкование о неразумных словесах», приточник к тексту Псалтыри.²² В третьем — тот же словарь символики, но в виде заголовка киноварью дана его первая статья «Псалтырь красен с гуслими», а вслед за приточником идет ономастикон.²³

Компилятивные своды возникали, как понятно, на основе и других словарных направлений. Многие из них в этом смысле соотносимы в первую очередь с ономастическим и символическим словарными типами. В качестве примера на этот раз будут взяты еще три варианта компиляций из сборников XVI—XVII вв., где вначале идут уже не глоссы к старославянским лексемам, а перечни ономастики и других иноязычных слов. Условно обозначим их по первому толкованию: а) Феодор — божий дар²⁴ (словарь озаглавлен «Сказание речем недоведомым»); б) Михаил — лице божие (имеет два наименования: «Толкование всем святым всего года»²⁵

¹⁶ Текстологический анализ иных списков этого словаря см. в кн.: Л. С. Ковтун. Русская лексикография. . . , с. 226—237.

¹⁷ Здесь толкуются слова *патер*, *одигитрие*, *аминь*, *лампада* и др.

¹⁸ Последний из терминов в этой части — слово «апостол» — может пониматься и как наименование книги, и как обозначение лица. Две глоссы, данные вслед за этим, выбраны из греческого текста молитвы (деспота — владыка; деспота май — владыко мой; исполати — многа лета). Затем идет оказавшаяся среди иноязычных слов славянская глосса (бдение — бодрствование), а после нее — снова статья, толкующая название книги: алфавит — азбуковник.

¹⁹ О толковании символики в древних словарях см. в кн.: Л. С. Ковтун. Русская лексикография. . . , с. 192—209.

²⁰ Объединителями словарных материалов оказались также и другие книги — Псалтырь, Кормчая, Хронограф и т. д.

²¹ Лествица, ГПБ, Соловецкое собр., № 281 (283), XVI в.; истолкованы слова *Галаад*, *Идумей*, *Моавити*, *Иерусалим* и др.

²² Лествица, ГПБ, Соловецкое собр., № 296 (206), XVI в.

²³ Лествица, ГПБ, Соловецкое собр., № 300 (218), XVII в.; приводятся символические значения наименований библейских мест: *Рама*, *Сикима*, *Галаад* и т. д.

²⁴ Словарный свод представлен в ряде списков: ГПБ, Соловецкое собр., № 305 (328); ГБЛ, собр. Ундольского, № 573; ГБЛ, собр. Тихонравова, № 346; ГПБ, Софийское собр., № 1450. В последнем только начальные статьи совпадают с иными списками.

²⁵ ГИМ, Патриаршее собр., № 1.

и «Сказание неведомым речем»²⁶); в) равви — учителю (назван «Толкование неудобь познаваемым речем»)²⁷.

Словники компиляций далеко не одинаковы, различаются они, как видим, и в порядке объединяемых словарей. Неизменной остается механистичность самого принципа их составления. Сводь эти были довольно распространены в XVI и даже XVII вв., но они не представляют собой словарного типа. Новым, причем самым плодотворным, направлением древнерусской лексикографии стали азбучовники.

При сравнении азбучовников с более ранними сводами прежде всего бросается в глаза их объем и азбучное расположение статей. Оба эти признака важны, но являются внешними и потому производными от других, которые и предопределили как активное нарастание числа толкуемых слов, так и потребность в облегчении их поисков в словаре.

Нельзя сомневаться в том, что алфавитный порядок как наиболее удобный для справочной книги был признан и оценен. Это явствует из того, что именно по нему словари анализируемого типа и получили свое название. Так же стали именоваться и сборники, в состав которых вводили обширный азбучный свод.

Не лишено значения, что первоначально словари, называемые азбучовниками, или алфавитами, имели иные заголовки, а именно «Толкование (или «сказание») неразумным («неудобь познаваемым», а затем уже и «иностранным») речам». Иначе говоря, они именовались так же, как предшествовавшие им компилятивные словарные своды. Наличие архаического названия служит для словарного памятника датирующим признаком.

Заметим также, что применение азбучного порядка в русской лексикографии наблюдалось и до азбучовников. В составе свода «О именех глаголемых жидовским языком в книгах церковных» (XIII—XIV вв.)²⁸ один из трех переведенных с греческого глоссариев имеет азбучный порядок статей. Важнее, однако, что по тому же принципу размещены имена собственные и в словаре Максима Грека, который непосредственно предшествовал азбучовникам. Он так и назван — «Толкование именам по алфавиту» (XVI в.). Вероятнее всего, что этот лексикон и оказал на их составителей прямое воздействие.

Чем же было вызвано сложение азбучовников в особый тип? Возникли они в силу той же объединительной тенденции, что и предшествовавшие им компиляции,²⁹ но для образования нового типа необходимы были не только количественные, но и содержательные изменения. Они и произошли как результат общественного признания необходимости собрать и объединить все те истолкования слов и выражений, которые дали экзегеза и многовековая переводческая практика. Потребность сделать это для пользы книжников, для повышения культуры чтения книг и работы над ними (копирование, правка, новые переводы и т. д.) была осознана в этот период как настоятельная нужда.

²⁶ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 87/92; БАН, Архангельское собр., С 238; ГИМ, Синодальное собр., № 717; ГИМ, Синодальное собр., № 323 (561). В последнем из списков сначала идет текст «Речи жидовьскаго языка», а потом уже (с имени Михаил) текст «Сказания».

²⁷ ГБЛ, Троицкое собр., № 790 (1834). После набора глосс, начинающихся со слова «равви», идет текст «Речи жидовьскаго языка».

²⁸ Л. С. Ковтун. Русская лексикография. . . , с. 57, 58.

²⁹ Эта тенденция была присуща и другим начинаниям книжников XVI в. Так, при переводе в начале века Максимом Греком Толковой псалтыри были привлечены многочисленные варианты истолкований псалмов. Ср. и созданный в том же веке обширный свод литературных сочинений — Великие Минеи Четьи митрополита Макария, а также фундаментальное предприятие по созданию летописного свода (Никоновская летопись).

Словари представлялись одним из средств преодоления трудностей, создаваемых тем объемом, которого достиг к этому времени фонд читаемой литературы (памятники XI—XVI вв.), а также его неоднородностью. Сложным было и состояние литературного языка, вступившего в этот период в начальный этап национального развития.

Достоверность материалов азбуковников должна была быть обеспечена авторитетностью источников. Вместе с тем азбуковники мыслились и как средоточие мудрости истолкователей.

Тип Азбуковника, по всей видимости, может быть определен термином словарь-тезаурус, если понимать его не в современном значении,³⁰ а в том, которое более применимо для эпохи его создания. Направление азбуковников — органический этап в ходе развития русского словарного дела, тесно связанный с историей русской книжности и русского литературного языка. Вместе с тем, как показал М. П. Алексеев, составление разных вариантов словарных «сокровищниц» было в XVI—XVII вв. характерно для лексикографии многих европейских стран.³¹ Эта общность одного из культурных процессов важна и для понимания типа русских азбуковников.

Толкования, которые предстояло собрать, встречались и в самих текстах, а также были рассеяны на полях и между строк рукописных книг, существовали и в виде отдельных перечней. Они содержались в словарях всех предшествующих направлений древнерусской лексикографии, а также в довольно обширных компиляциях, объединявших некоторые из этих словарей. Жанр азбуковников предполагал слияние всех этих разнородных материалов.

Завершение оформления Азбуковника как особого словарного типа приходится на конец XVI столетия, но процесс этот охватил не менее полувека.

В ходе развития первые, еще несовершенные, опыты, сравнительно однообразные по материалам и элементарные по технике описания, перерастали в лексикографические труды, настолько значительные, что они образовали особый раздел древнерусской книжности.

Занимая уже в конце XVI в. видное место среди явлений культурной жизни донетровской Руси, азбуковники и в XVII в. продолжали развивать свои жанровые черты. Сопоставление памятников анализируемого направления выявляет нарастание их объема и содержательности. Все детальнее становятся и словарные приемы. Ориентация азбуковников в течение XVII в., и особенно к концу его, заметно менялась, отвечая новым потребностям времени.

Количественные характеристики в данном случае весьма существенны, так как задачей собирателей было накопление и объединение материалов. По богатству охваченной лексики азбуковники сразу намного превосходили словари всех предшествующих типов, за исключением разговорников. В наиболее ранних из них — до 1000 словарных статей.³² Затем появились азбуковники с составом, возросшим вдвое, их предел — более 2000 статей. К этому времени азбуковники как словарный тип вполне сформировались, тем не менее и они могут быть названы краткими, так как

³⁰ Теперь тезаурусами считают словари, дающие лексику какого-либо языка во всем ее объеме.

³¹ М. П. Алексеев. Словари иностранных языков. . . , с. 49—60.

³² «Речь жидовьского языка» (списки XIII—XVII вв.) увеличила свой объем со 174 статей до 314 глосс. Словари славяно-русские и приточкики имеют еще более краткий словник. В «Толковании неудобь познаваемым речем» — 62 статьи, в «Толке о неразумных словесех» — 37 статей. Свод ономастиконов «О именех глаголемых жидовьским языком» (XIV в.) имеет 470 статей. Не более 500 статей имеют компиляции XVI в.

за ними последовали пространные, объем которых уже более чем в пять раз превышал достигнутый в первых опытах: 5500 статей и более. Если принять во внимание метод выборки слов, то этот объем предстанет как очень внушительный.

Очевидно, что, приступая к изданию азбуковников, нельзя будет обойти ни один из этапов истории их сложения.

Небольшие азбуковники, в которых еще только намечен формирующийся тип, попадают в рукописных собраниях крайне редко. Их почти не копировали, так как активность процесса собирания глосс вызвала появление более достойных образцов. Разыскание глосс становилось занятием все большего числа книжников. Некоторые памятники этого рода, однако, найти удалось.

Почти не сказались еще типовые черты словаря-сокровищницы в небольшом алфавитном словаре, данном в дополнение к пространному азбуковнику в рукописной книге XVII в.³³ На боковом поле в начале текста дан его заголовок «Лествицы толкование». По составу слов этот азбуковник мало чем отличается от составленного к Лествичнику древнего славяно-русского словаря XIV—XV вв. и в сущности является развитием его текста, однако по объему он превосходит этот глоссарий во много раз: в «Толковании неудобь познаваемым речем» — 62 статьи, в азбуковнике их около 700.

Несколько небольших азбуковников оказались в составе довольно обширного компилятивного свода, помещенного в приложениях к другой Лествице XVII в. (ГПБ, Соловецкое собр., № 302 (322)). В Своде — 973 статьи, и состоит он из пяти лексиконов. В трех первых материал организован по тематическому принципу.³⁴ Последний из этих трех словарей разбит на две части (статьи 1—103, 104—207), каждая из которых размещена по алфавиту, что, видимо, свидетельствует о подоснове в виде двух более ранних азбучных глоссариев.

Вслед за тематическими словарями в Своде идет небольшой азбуковник, содержащий 90 статей. При начальной статье (аллилугия) на поле дан подзаголовок «О освященных вещех». Объявленная тема хотя и является для этого раздела важной, но не покрывает всего состава слов. Такие указания вспомогательного характера в азбуковниках встречаются нередко.

Последним в Своде идет словарный текст, выделенный заголовком «Купно о различных вещех». Перед нами еще один азбуковник, причем это самый крупный лексикон в разбираемой компиляции. В нем 623 статьи, и занимает он две трети всего свода. Словарь начинается с термина «актимон», истолкованного «нестяжатель» с отсылкой к известному сочинению Максима Грека. Перебивы алфавита редки.

Оба последних азбуковника, особенно первый из них, имеют на полях немало указаний на литературные источники. Эти завершающие Свод словари не имеют следов окончательной доработки, причем даже и в них наблюдается колебание между алфавитным и тематическим порядком размещения словарных статей. Что касается первых трех лексиконов, то там явно предпочтен тематический принцип.

Назовем еще один памятник, где черты анализируемого словарного типа видны уже намного отчетливей. Это один из редких азбуковников,

³³ ГПБ, собр. Погодина, № 1660. Листы в азбуковнике при переплете перепутаны, поэтому маленький словарь оказался разбитым на две части. Его конец (со статьи на слово *ельма* и до буквы *Я* включительно) попал в букву *Х* основного словарного свода, разбив в нем текст статьи на слово *зимера* (л. 243—250), а начало (буквы *А—Е*) дано в конце книги после раздела «Вопросы и ответы о недоведомых вещех» (на л. 268—271).

³⁴ Тематические словарики в Своде дают перечни толкований имен божьих, названий различных книг и глоссарий «О саоих и чиоих», в котором приведены наименования многих профессий и должностей.

который представлен в списке XVI в. (по водяным знакам — 1594 г.).³⁵ Азбуковник находится в сборнике ГБЛ, МДА, № 173 (35). В нем 1078 статей, которые делятся на 759, писанных в XVI в., и 319 статей, добавленных скорописью XVII в., на полях. Видно, как вводились в текст все новые пополнения.

Если, приступая к публикации азбуковников, признать целесообразным издать для начала хотя бы по одному словарю каждого из трех означенных этапов развития (до 1000 статей, свыше 2000 статей, свыше 5000 статей), отдав предпочтение памятникам наиболее характерным, то окажется, что представитель первого этапа уже издан в 1973 г. — Азбуковник ГБЛ, МДА, № 173 (35), конца XVI в., а образцы двух других этапов также нашли свое печатное воплощение, но выполненное по принципам, теперь неприемлемым.

С того времени, когда И. П. Сахаров впервые опубликовал азбуковники, прошло 130 лет (1849 г.). При издании сведены воедино два различных памятника, притом двух разных этапов развития словарного жанра азбуковников. Причина, по словам издателя, — в наличии совпадающих статей.³⁶

Сводный текст из материалов двух азбуковников помещен в особом разделе «Словари русского языка», перед ним еще два словаря — Лексикон славено-русский Памвы Берынды (1627 г.) и Лексис Лаврентия Зизания (1596 г.), названный здесь литово-русским словарем. Эти труды отнесены И. П. Сахаровым к явлениям украинской и белорусской книжности, а азбуковники, объединенные им в свод, — к явлениям собственно русским,³⁷ причем того же периода, т. е. XVI—XVII вв.³⁸

Сведения об издаваемых словарях сводятся к указанию их названий, размера рукописных книг, в составе которых они оказались, их объема и времени написания (конец XVI в. и середина XVII в.). Доказательства датировки не даны. Говорится также об использовании «для сличения» еще четырех списков XVII в.³⁹ С какой целью проводилось сличение и отразились ли его результаты на тексте издания, не сказано.

Азбуковники, изданные И. П. Сахаровым, — из его личного собрания. Предстояло установить, какие рукописи были опубликованы, иначе говоря, в каком древлехранилище и под какими шифрами они теперь пребывают, а затем и определить степень их соответствия оригиналам.

Статья, предваряющая издание и названная И. П. Сахаровым «Древнерусские словари», имела и более раннюю публикацию,⁴⁰ которая позволяет исправить ошибку издателя при указании объема второй рукописи (не 250 л., а 231 л.), затруднившую ее разыскание. Сведения о первой из

³⁵ Текст опубликован в кн.: Л. С. К о в т у н. Лексикография в Московской Руси. . . , с. 218—312; там же даны основания для датировки.

³⁶ В вводной статье к публикации сказано: «При издании тексты Азбуковника и Сказания (более ранний азбуковник с архаическим заголовком, — Л. К.) соединены были вместе. Печатать каждый отдельно я не находил нужным, потому что это было бы повторение по большей части одного и того же» (И. П. С а х а р о в. Сказания русского народа, т. II, кн. 5. СПб., 1849, с. 136).

³⁷ В терминологии того времени — книжность малорусская, литовская (западно-русская) и великорусская.

³⁸ После сводного текста азбуковников помещены два древних глоссария («Речь жидовьского языка» и «Толкование неудоб познаваемым речемь»), видимо, для характеристики истоков русского словарного дела. Историю и тексты этих словарей см. в кн.: Л. С. К о в т у н. Русская лексикография. . . , с. 10—154, 218—268, 399—431.

³⁹ Привлечены были азбуковники из собрания Ф. А. Толстого.

⁴⁰ Указав на этот вариант статьи, напечатанный в «Отечественных записках» (1842, т. XXV, отд. II, с. 1—24), М. П. Алексеев особо отмечает, что в ней публикуемые словари названы двумя редакциями азбуковников, из которых одна относится к XVI в., а другая — к XVII в. (М. П. А л е к с е е в. [Словари иностранных языков. . . , с. 10).

них верны. Обе рукописи теперь находятся в архивах ГИМ, где хранится собрание А. С. Уварова, приобретшего коллекцию И. П. Сахарова после его смерти.⁴¹

Заметим, что старшая из рукописей попала к ее издателю из фондов Румянцевского музея.⁴² Однако из трех описаний, выполненных А. Х. Востоковым, И. П. Сахаровым и архимандритом Леонидом (Л. А. Кавелиным), лишь в первом отмечены особенности ее начальной части. А. Х. Востоков пишет, что конец предисловия к алфавиту и начало самого алфавита утрачены, добавляя к этому: «По счету тетрадей видно, что в первой тетради недостает шести листов».

При обращении к рукописи видим, что в своде нет семи первых статей. Отсутствуют толкования слов *алфавит*, *алеф*, *алфа*, *аданаи*, *агиос*, *апостол*, *аггел*. Но этого мало. Статья восьмая (*ангелеитин*) и статья девятая (*архангел*) попали в текст предисловия, перебивая его, однако конец девятой статьи (со слов *аггел саном херувим*, *ин серафим*) оказался там, где ему и подобает быть, т. е. перед статьей десятой (*архистратиг*). На этом и заканчивается серия нарушений.

Именно дефектность начала ранней рукописи (о чем И. П. Сахаров умолчал), видимо, и побудила его привлечь текст более позднего азбуковника, который вовсе не был настолько близким к старшему, чтобы счесть их в основном идентичными. Достаточно сказать, что по числу статей поздний азбуковник более чем в два раза превосходит ранний. Впрочем, текст более позднего словаря был использован издателем лишь в качестве вспомогательного, иначе он не опустил бы из него при публикации около двух с половиной тысяч статей.

И. П. Сахарова в сущности интересовала старшая рукопись. Азбуковник, представленный в ней, действительно заслуживает самого пристального внимания. Во вводной статье И. П. Сахаров называет его первым великорусским словарем (с. XI), сопоставляя его в качестве собственно русского с лексиконами того же периода Юго-Западной Руси, т. е. со словарями Лаврентия Зизания и Памвы Берынды (1596 г. и 1627 г.). Если снять категоричность этой формулировки, то она в основном верна.

В распоряжении издателя, как оказалось, был один из редких списков азбуковника конца XVI в., в котором новый словарный тип, ставший вершиной древнерусской лексикографии, предстает уже как вполне зрелый, хотя его интенсивное развитие охватит еще столетие.

Получить, однако, представление об этом памятнике по изданию И. П. Сахарова невозможно. Почти полностью утрачены все его основные черты. Нарушена структура лексикографического труда. В качестве предисловия предпочтен текст, типичный для пространных азбуковников.⁴³ Между тем несходство предисловий двух разновидностей азбуковников (краткой и пространной) — датирующий признак. Предисловие оторвано от словарного свода двумя не связанными с ним статьями.⁴⁴ Не на месте дано и еще одно предисловие, предваряющее перечень имен собственных.⁴⁵

⁴¹ Шифры изданных рукописей: ГИМ, собр. Уварова, № 2094 (311) и ГИМ, собр. Уварова, № 2088 (310).

⁴² В Описании этого музея обозначена как Алфавит № 4 (А. Востоков. Описание Румянцевского музея. СПб., 1842, с. 2). О той же рукописи в Описании уваровского собрания сказано: «Из библиотеки И. П. Сахарова, выменена им у Кастерина в 1840 г.» (Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А. С. Уварова, ч. IV. М., 1894, отд. VIII, с. 496).

⁴³ Свообразие предисловия в Алфавите № 4 (по Румянцевскому собранию) отмечено А. Х. Востоковым. См.: А. Востоков. Описание Румянцевского музея.

⁴⁴ «Сказание въкратце, чего ради наречется славянская грамота» и «Сказание о писменех черноризца Храбра».

⁴⁵ «Толкование имен человеческих», помещаемое в разделе слов, начинающихся с буквы А, что также является приметой текстологически важной: в некоторых вариан-

Искажения, допущенные при передаче текста самого свода лексики, настолько велики, что их трудно исчислить. Порядок размещения слов иной, чем в оригинале, где принимается во внимание лишь алфавитное место первой буквы (признак, также важный для датировки). Сняты указания на литературные источники и языковые пометы. Весь состав толкуемых слов произвольно расчленен на две части: литературную, к которой отнесены почти все пространные статьи, посвященные описанию реалий, а также раскрытию символики и богословских понятий, и лексикографическую. В словаре даны лишь статьи, отнесенные ко второй части, что привело к полной утрате его исторической специфики. Обобщенные сведения о литературной части, как и о литературных источниках азбуковников, приведены издателем во вводной статье. Не учтены языковые особенности ни того, ни другого списков, текст дан в современной орфографии.

В сводном тексте из двух азбуковников 3249 статей, в реальном тексте по старшей рукописи 2274 статьи. Таким образом, к составу краткого азбуковника добавлено около тысячи статей, а из состава пространного снято более двух тысяч. Как оказалось, однако, исключения статей произведены и в кратком азбуковнике, причем почти в каждой букве. Если взять для примера конец словаря (разделы букв от Х до Ω), то лишь в двух буквах (Ц и Ш) дан весь состав слов, в остальных буквах произведены снятия (Х — 25 ст., Ч — 5 ст., Ш — 2 ст., Ю — 1 ст., Ъ, Ы, Ь — 3 ст., Я — 1 ст., Ω — все 10 ст.).

Наиболее часто опускаются статьи азбуковника, в которых слова даны в косвенной форме или в составе оборотов, т. е. непосредственные выписки из текстов. Издателя отталкивает их несловарная форма, но как раз они яснее всего показывают связь азбуковников с работами переводчиков и справщиков, так как непосредственно взяты из текста. В тех случаях, когда такая статья дана, ее форма изменена (например, *ад-кастра* — *ко ополчению*, предлог присоединен дефисом, *аукторита* — изменено в *аукторитет* и т. д.). Всюду видны следы правки издателя или предпочтения им вариантов из других азбуковников. Например, в оригинале: апокрифат — сомнения, их же истина не весть; в издании: апокрифат — сомнение, их же истины никто весть.⁴⁶ В оригинале: художество — ремесло или хитрость рукоделия; в издании: художество — хитрость ремесла. Проявлено стремление к сокращению статей. Например, из толкования слова «хризмо» — «помазание, еже есть священное масло, рекше миро» — осталось лишь «масть, помазание»; слова «хитон» — «нешвенная одежда Христова, рекше срачица» — «нешвенная одежда». При этом в основном утрачена собранная в словаре синонимика. Ср.: хрисопрасос — златосечец или златокузнец или ковец, в издании только «златосечец»;⁴⁷ хусия — мурин, сиречь черныи или диявол, в издании — «мурин».

Сняты раскрытия символов Писания. Например, в статье о птице «харадр» отсечен конец: «сию птицу помянул Ияков, благословляя Июду, глаголя птиць львов Июда и прочая».

Убраны все статьи, данные в азбуковнике в вопросно-ответной форме,⁴⁸ типа: «Что ради пишется на иконах сшествие святаго духа — стоит человек страстию содержим в месте темне, а на нем риза червлена. . .» и т. д.

тах поздних азбуковников предисловие переведено в число статей, предваряющих словарный свод.

⁴⁶ Изменен смысл: в оригинале — «истина не знает сомнений», в издании — «никто не знает, в чем истина сомнений».

⁴⁷ В издаваемом списке эта статья сильно повреждена: хрисопрасос — златовец.

⁴⁸ В словаре они приведены в разделе слов, начинающихся с буквы Ч.

Недостатки первого издания азбуковников таковы, что полностью исключают возможность его использования в научных целях.

Памятники, в которых данный лексикографический тип выступает уже в своем зрелом виде, еще предстоит издать. Такие публикации могут иметь и лингвистическую и литературоведческую ориентацию.

Публикация для начала хотя бы двух или нескольких лексикографических памятников, т. е. азбучных словарей конца XVI—XVII в. (краткой и пространной разновидностей) из числа наиболее значительных, с учетом всей совокупности их списков дала бы ход планомерному изучению всей массы материалов. В результате чего только и выяснится весь набор памятников этого словарного направления, ставшего для старинной лексикографии ведущим.

Представляется, что в числе первых следовало бы издать Азбуковник, имеющий в наших основных древлехранилищах наибольшее число списков, установив все его редакции.⁴⁹ Именно ему было оказано предпочтение в эпоху бытования этих словарных трудов.

⁴⁹ Ср. первую группу азбуковников в кн.: А. В. П р у с с а к. Описание азбуковников. . .